

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ФИЛОСОФИИ М. МЕРЛО-ПОНТИ

В статье исследуются особенности формирования философии М. Мерло-Понти в процессе критического переосмысления основных проблем феноменологической эпистемологии, выраженного в расширении предметного поля феноменологии, осознании ограниченности пределов адекватности классически-рационалистического подхода к идее объективности, выявлении идеи целостного человеческого опыта.

Ключевые слова: феноменологическая редукция, дескриптивный метод, интенциональность, целостность опыта, личностный опыт, познание, эпистемология, рационализм, сознание, восприятие, феноменология, экзистенциализм, гештальтпсихология, феномен, интерсубъективность, тело.

М. Мерло-Понти (1908-1961) является одним из наиболее влиятельных мыслителей XX века, внесшим значительный вклад в формирование и развитие современного направления в философии, которое принято называть феноменолого-экзистенциалистским. Следует отметить, что М. Мерло-Понти был автором первой во Франции систематической работы, в которой слово «феноменология» вынесено в заглавие – «Феноменология восприятия». Уже этот факт сам по себе указывает на то, какое важное место занимает французский мыслитель в феноменологическом движении, «отождествляя феноменологию с философией как таковой, он идет дальше большинства других французских философов, включая Ж.-П. Сартра» [9, с. 536].

Особый статус философии М. Мерло-Понти свидетельствует о том, что она неоднозначно оценивается исследователями его творчества: одни считают ее экзистенциализмом, другие – феноменологией, третьи – структурализмом. «Среди существующих точек зрения и определений философии французского мыслителя, – считает И.С. Вдовина, – наиболее адекватно учение М. Мерло-Понти представляет П. Рикер. Согласно его представлениям, философские воззрения М. Мерло-Понти сложились в результате осмысления им феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциализма М. Хайдеггера, а также трудов представителей гештальтпсихологии» [2, с. 27].

Господство в психологии таких направлений, как рефлексорная теория, бихевиоризм, гештальтпсихология и психоанализ, позволило М. Мерло-Понти ощутить доминирование как в психологии, так и в науке и философии

объективирующего подхода в изучении человека. Отметим, что в первой работе французского философа, «Структура поведения», посвященной изучению проблемы соотношения сознания и природы, влияние феноменологии почти не обнаруживается, тем не менее именно в ней М. Мерло-Понти вводит термин «существование», свидетельствующий о том, что «...поведение не является ни полностью физическим, ни от начала и до конца психологическим» [2, с. 27]. «Мир, поскольку он включает в себя живые существа, – подчеркивает М. Мерло-Понти, – уже не материя, чьи части тесно прилажены друг к другу; мир расступается, прогибается в тех местах, где проявляет себя поведение» [5, с. 34].

Необходимо отметить, что при создании собственной философской системы французский мыслитель заимствует из феноменологии основные методы, а именно дескриптивный метод и редукцию, при этом переосмысливая их. Помимо вышеперечисленных методов французский мыслитель в своей философии использует понятие интенциональности, которое является центральным понятием феноменологии и гештальтпсихологии. Именно это понятие, по мнению М. Мерло-Понти, является главным открытием феноменологии.

Интенциональность, согласно Э. Гуссерлю, – это направленность сознания на иное, не являющееся «данностью персонального сознания», это своеобразное свойство переживаний быть сознанием о чем-либо. Здесь происходит своего рода совпадение «чистой предметности и чистой субъективности» как неразрывное единство интенциональной предметности и духовных усилий по ее усвоению. Интенциональность ха-

рактирует деятельность сознания как осмысленного переживания, которое наделяется значением, представляющим личностный опыт, а потому, можно сказать, способным выразить субъективно значимый мир. «Опыт феноменолога – это не эксперимент или «испытание» объекта, а неразрывное единство знания и переживания» [8, с. 155], которое неотделимо от субъективного переживания, так как феноменологически трактуемый опыт выражает обусловленность «характеристик объекта познания и человеческого к нему отношения, выраженного в направленности сознания на определенный объект» [8, с. 155]. Однако следует отметить в этой связи, что в процессе работы над неопубликованным философским наследием Э. Гуссерля М. Мерло-Понти приходит к более широкому толкованию интенциональности как характеристики не только сознания, но и всего человеческого отношения к миру, поэтому феноменологию французский философ понимает как изучение целостного человеческого опыта.

Проявляя уже на раннем этапе своего творчества особый интерес к феноменологии Э. Гуссерля, французский философ воспринимает феноменологию в первую очередь как философское учение и считает необходимым обратить более пристальное внимание на изучение кардинальных понятий указанной системы взглядов, которая только начинает делать первые шаги в своем развитии. В начале своего фундаментального труда «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти ставит вопрос о том, что же такое феноменология, каковы ее фундаментальные основания и специфические характеристики.

Одна из ведущих отечественных специалистов в области французской философии – И.С. Вдовина, на работы которой мы ссылались выше, указывает на то, что в интерпретации понятия феноменологии М. Мерло-Понти сразу же поворачивает дело в нужном для себя направлении, оставляя за собой право толковать феноменологию в свете собственных потребностей: феноменология – это изучение сущностей, но «это также философия, которая помещает сущности в экзистенцию и полагает, что человек и мир могут быть поняты только из их «фактичности» [2, с. 187].

Американский философ Г. Шпигельберг в своей работе «Феноменологическое движение»

не сомневается в том, что методичный и продуктивный подход М. Мерло-Понти имеет своей целью ввести в употребление понятие «феноменология» как решение проблем поведения, с которыми не могла справиться даже гештальтпсихология.

Становится вполне очевидным то, что указанное осмысление феноменологии неотделимо от экзистенциальной философии, поэтому «Мерло-Понти стремится найти более фундаментальный, предшествующий любому сознанию экзистенциальный опыт бытия в мире» [11, с. 134]. Несмотря на то, что феноменология и экзистенциализм изначально являются непосредственными предшественниками философского учения французского мыслителя, он, на наш взгляд, не является типичным феноменологом или экзистенциалистом, поскольку стремится выйти за пределы и феноменологии, и экзистенциализма, на последнее указывает и П. Рикер. Если говорить о значимости философии М. Мерло-Понти для феноменологии в целом, то здесь следует отметить, что французский философ различает активную и действующую интенциональность и в отличие от Э. Гуссерля относит последнюю не к пассивному сознанию, а к телу как чувствующей и действующей телесности. В этом и состоит его главная задача в расширении предметного поля феноменологии, а именно того, каким способом осуществляется и опредмечивается такая сфера реальности, как сознание. «Не сознание, а живое собственное тело (*le corps propre*) определяет способ бытия в мире экзистенции, которая является конкретным телесным бытием, или «воплощенным сознанием» [11, с. 134].

Важнейшей идеей экзистенциальной феноменологии, так условно можно назвать философию М. Мерло-Понти, как и феноменологии Э. Гуссерля, является идея целостности человеческого опыта. В соответствии с этим положением центральное место в его концепции занимает проблема поиска путей философских средств его выявления и обоснования. Отметим, что для М. Мерло-Понти новизна и научная актуальность феноменологии заключается, как нам представляется, именно в выявлении нового обоснования единства человеческого опыта. Из этого вытекает его критическое отношение к классическому рационализму, к которому, как считает французский философ, тяготеет фено-

менология. Однако в феноменологии Э. Гуссерля происходит в определенной степени осознание ограниченности пределов адекватности классически-рационалистического подхода, а также осмысление лимитированности классического идеала объективности как независимого от свойств субъекта.

Более того, отмечается явная нацеленность на преодоление абсолютного противопоставления субъекта и объекта как атрибутов классической трактовки объективности.

Предпринимаемая М. Мерло-Понти критика классического рационализма за его абсолютизацию и универсализацию чистого *cogito* свидетельствует о выработке антикартезианской позиции, которая становится решающей в обосновании стремления найти новый центр феноменологии и характеризует в указанной связи специфику и своеобразие философии М. Мерло-Понти. На данное обстоятельство справедливо указывает в своей работе «Феноменологическое движение» Г. Шпигельберг, утверждая, что «...попытка отождествить свое учение с глубинными устремлениями Э. Гуссерля позднейшего периода его творчества обуславливается возможностью очистки феноменологии от картезианства» [9, с. 539]. Для М. Мерло-Понти феноменологический метод, назначение которого заключается в попытке перехода к самим «вещам» и стремлении дать их строгую научную теорию, означает отказ от объективирующего подхода науки и возврат к миру, данному в живом опыте, как его понимает поздний Э. Гуссерль, то есть к жизненному миру. Несмотря на это, М. Мерло-Понти отказывается следовать феноменологической традиции Э. Гуссерля в его рефлексивном анализе, проводимом для того, чтобы вернуться назад к истокам этого жизненного мира, находящимся в субъекте. Подтверждением служит его положение о том, что «...возврат к самим вещам... ни в коей мере не является идеалистическим возвращением к сознанию... Мир уже тут, до моего анализа. Реальное надлежит не конструировать или конституировать, но описывать» [5, с. 218].

Продолжая далее рассматривать критическое отношение французского мыслителя к рационалистической эпистемологии, отметим, что в его понимании феноменологическая редукция с ее заключением за скобки веры в реальность естественного мира становится главным ору-

дием, позволяющим обнаружить спонтанный исток жизненного мира. Это достигается посредством ослабления, как считает М. Мерло-Понти, именно наших привычных связей с миром и обнаружения тех ее связей, в которых она выступает в ее особом существовании, как нечто одновременно отдельное, отстраненное от этих связей в жизненном мире и в то же время связанное с ним. По мнению Г. Шпигельберга, если для Э. Гуссерля эйдетическая редукция представляет собой необходимый этап в процессе перехода от существования к сущности, то для М. Мерло-Понти она является скорее «средством», чем «целью» для выявления и фиксации живых отношений опыта, которые неспособны выявить классический рационализм. Также новое значение в этой связи в философии французского мыслителя приобретает понятие интенциональности. Исходя из того, что для Э. Гуссерля интенциональность является фундаментальной структурой сознания, его главной темой и ключом к теории конституирования, следует, что теперь ее главная функция – «обнаружить мир как уже сотворенный и уже находящийся здесь, что во многом напоминает тот способ, каким Ж.-П. Сартр применял ее в своем «онтологическом доказательстве» трансфеноменального бытия» [9, с. 452].

В конечном счете целью М. Мерло-Понти становится расширение концепции интенциональности таким образом, что она предстает не только применимой к актам нашего сознания, но и выступает основанием всей совокупности наших отношений к миру и нашего «поведения» по отношению к другим. Следует отметить, что для французского философа, как и для большинства современных исследователей феноменологии, наиважнейшим достижением данного философского направления является синтез крайнего субъективизма и крайнего объективизма в понимании мира и рациональности.

Таким образом, определяя цель новой трактовки феноменологии, М. Мерло-Понти стремится по-иному сформулировать концептуальные основания ее понимания самим Э. Гуссерлем, для которого главная цель его философских исследований заключалась в поиске чистой субъективности как последней основы всякого знания. В наибольшей степени ограниченность «презумпций классического рационализма, представленного деятельностным отношением к миру, – отмечает

Н.В. Смирнова, – выражена в гуссерлевском «Кризисе европейских наук» [8, с. 159].

Опыт сознания постольку феноменологически фундаментален и является подлинной субстанцией субъективной человеческой жизни, поскольку «...исключает внешнюю внечеловеческую перспективу заимствования классическим естествознанием из теологической картины мира позиции «абсолютного наблюдателя» [8, с. 159].

В противоположность такому подходу М. Мерло-Понти решительным образом перемещает центр тяжести феноменологии и предпринимает попытку совмещения субъективного подхода и объективного, при помощи метода, который условно можно назвать «биполярной феноменологией». Формирование значительного различия между концепциями этих мыслителей обуславливается также интерпретацией роли понятия «мир», поскольку «философия Гуссерля определенно не была «мироцентрична», хоть и становилась все в большей степени основанной на мире, когда Гуссерль решил начать все заново с описания» [9, с. 541]. Последнее опирается и на трактовку понятия рациональности, так как именно в рассмотрении данной проблемы, как мы видим, возрастает определенного рода оппозиция в трактовке вышеобозначенных понятий.

Дело в том, что трактовка рациональности французским философом по стилю отличается от гуссерлевской рациональности, так как теперь перед феноменологией, как указывает М. Мерло-Понти, ставится задача обнаружения «тайнства мира и тайнства разума» [5, с. 222]. С одной стороны, акцент, который М. Мерло-Понти делает на единстве феноменологии и науки, может показаться противоречивым по отношению к его собственной философской позиции, а с другой стороны, подчеркивает Г. Шпигельберг, свидетельствует об определенной перемене в его взглядах, поскольку в «Феноменологии восприятия», особенно в «Предисловии», мы неоднократно встречаемся с выражением антисциентистской позиции автора. Более того, с точки зрения М. Мерло-Понти, главный гуссерлианский лозунг «вернуться к самим вещам» означает прежде всего именно отказ от науки, понимаемой в качестве системы стереотипных эмпирических установок. Объективизм абстрактной науки, с точки зрения М. Мерло-Понти, не срабатывает в первую очередь именно в

гуманитарных науках, которые не могут обойтись без рассмотрения субъективного живого опыта и смыслов, которые не могут не быть отрефлексированы в живом опредмечивающемся, реализующемся опыте как деятельностью процессе, и в этом осуществляется «...схождение как раз наук о человеке и феноменологии» [9, с. 542].

В этом единстве человеческой рациональности и мира, в котором вырисовываются вещи, «...утверждает себя безграничный индивид, всякое существование понимает самое себя и понимает других. Остается лишь признать эти феномены, на которых зиждутся все наши достоверности. Верования в абсолютный дух или мир в себе, оторванный от нас, суть не что иное, как рационализация этой первоисходной веры» [9, с. 542]. Исходя из вышеозначенного, М. Мерло-Понти предлагает собственную феноменологическую программу описания человеческого опыта в его реальной полноте и, как он считает, в ее действительном разнообразии. Опыт сознания слагается из восприятий, посредством которых вырисовываются предметы как процесс подведения новых восприятий под уже известную схему.

С точки зрения феноменологии последнее происходит потому, что мы идентифицируем предметы не потому, что они таковые на самом деле, а потому, что наш опыт слагается так, что мы можем применять прежние образцы к новым восприятиям. Причем узнавание этих предметов заключается в структурах самого человеческого опыта.

Принято полагать, что ключевой темой философии французского мыслителя является проблема понимания взаимоотношения человека и мира, а заимствованное им у феноменологии понятие феномена используется для того, чтобы с его помощью описать уникальный способ бытия субъективности в мире. Ключевая роль термина «феномен» позволяет выразить некий момент «сокровенного отношения между объектом и субъектом, а также существования устойчивых структур в них обоих, которые отличают феномены от простых явлений, кажимостей; при этом бросается в глаза отсутствие термина «сущность» [9, с. 538]. Философия, посвященная исследованию этих феноменов, становится «феноменологией», т. е. описанием сознания как некой «среды» (т. е. медиума явления) мира [9, с. 538]. Это действительно так, если постоянно иметь в виду, что мир, о котором рас-

суждает М. Мерло-Понти, это мир человеческой культуры, мир взаимодействия людей.

Анализ произведений французского философа приводит ко все более отчетливому осознанию того, что взаимоотношения человека и мира в его концепции неразрывно связаны с взаимоотношениями человека и человека, с тем, что обозначается термином «интерсубъективность». «Мир, – писал философ, – не исчерпывается тем, что он существует физически, «в-себе», «сам-по-себе»: воспринимаемый мир действительно существует, если он воспринимается «другими»; «в-себе» может появиться только после того, как появился «другой» [5, с. 56].

Разработка проблемы итерсубъективности М. Мерло-Понти позволяет определенным образом найти ключ к пониманию социального характера субъективности в том ее выражении, в каком она предстает в виде личностного опыта социальных взаимоотношений. Поэтому опыт самопостижения – это своего рода коммуникативный опыт, в котором представлены именно общественные отношения людей. Но раскрытие последних есть выявление сути их специфической природы, ни М. Мерло-Понти, ни Э. Гуссерль не ставят своей целью, хотя и разрабатывают своего рода феноменологическую концепцию, которая позволяет в то же время выявить особенность общественной предметности как предметности, «святящейся смыслом».

Опыт социальных коммуникаций – как опыт встречи с Другим, т. е. с чужим сознанием, и есть тот процесс, посредством которого творятся смыслы или происходит «сотворение смыслов». Именно благодаря непрерывно возобновляющейся соотнесенности к «своему» Другому человек осознает себя и постепенно обогащает свой индивидуальный опыт, доводя его до некой всеобщности, т. е. представленности всеобщего как самого себя в становлении общественной предметности.

Но последнее не исключает своего рода феноменологической закрытости личностного опыта как условия поддержания персональной идентичности. В то же время, если наука с помощью теории и методов упрощает человеческий опыт и многое личностно-конкретное исчезает из поля зрения, так как осуществляется сведение его до некоторых форм в интересах строгой научности, то феноменологический подход не допускает всяких априорных посылок и до-

пущений. Он характеризуется наибольшим интересом и вниманием к жизни, к «жизненному миру», акцентируя внимание на индивидуальном аспекте протекающего потока сознания, чувственного опыта, субъективности.

Исходя из логики вышесказанного, следует отметить, что для М. Мерло-Понти мир представляет собой не столько материальность, сколько отношение человека к окружающей действительности, выраженное в живом опыте общения. Дело в том, что актуализация этого мира, его смысл рождается, с точки зрения М. Мерло-Понти, только в процессе взаимодействия субъекта с другими субъектами и окружающей его действительностью. Реальность мир приобретает лишь тогда для субъекта, когда становится осмысленным, а его осмысленность приобретает лишь через указанные формы бесконечного многообразного взаимодействия человека с другими людьми, в котором осуществляются бесконечно реализуемый и бесконечно перетекаемый и, следовательно, приобретаемый опыт взаимного общения, опыт интерсубъективного мировосприятия.

Французский философ считал необходимым отказаться от утвердившихся в традиционных науках способов мышления, подходов к изучению объектов. «Феноменология, для Мерло-Понти должна быть «дескриптивной психологией», а ее центром – жизненный опыт, вторичным выражением которого является наука. Вернуться к самим вещам, как призывает Гуссерль, означает вернуться к миру до знания о нем, любое научное определение которого всегда будет абстрактным, зависимым» [9, с. 538].

В исследованиях, предпринятых в трудах «Структура поведения» (1942) и «Феноменология восприятия» (1945), М. Мерло-Понти исходит из гуссерлевского учения о жизненном мире, которое в свою очередь истолковывается в экзистенциальном плане. Позиция М. Мерло-Понти с самого начала складывалась как отход от «точки зрения сознания» и движение к построению новой онтологии, раскрывающейся через описание существующего. Именно эта задача является приоритетной в его последней опубликованной работе «Видимое и невидимое», то есть создание новой, неклассической онтологии. В этой связи центральное понятие феноменологии – феномен, – давшее название этому течению, также получает экзистенциальную трактовку.

Итак, мы снова возвращаемся к предельной феноменологической единице всякого опыта – к феномену. Обратим внимание на то, что для Э. Гуссерля феномен – это некая единица изначального опыта, в котором осуществляется самообнаружение бытия в сознании. Пользуясь феноменологическим методом редукции и углубляя – «редуцируя» последнюю, М. Мерло-Понти, вслед за основоположником феноменологии, стремится найти естественный и в то же время целостный исходный элемент контакта человека с миром; он намеревается отыскать феномены «по ту сторону от мира объектов», как «первичное открытие мира». «Цель философии, – пишет М. Мерло-Понти, – есть повествование о начале, ей надлежит формулировать «опыт мира», контакт с миром, который предшествует любой мысли о мире» [4, с. 43].

Таким образом, М. Мерло-Понти, используя феноменологический метод редукции, пытается отыскать некую точку пересечения, в которой осуществляется первоначальное взаимодействие человека с миром, которую можно обозначить как феномен. Французский мыслитель считает, что идеализм уничтожает и искажает понимание мира, принимая за основание сущего только факты сознания. Известный французский философ и эстетик Микель Дюфрен так пишет по этому поводу: «Философия сознания – это волюнтаризм, который в ней содержится, который изобличается Сартром как «безумие cogito» [6, с. 73]. В своих трудах М. Мерло-Понти придерживается позиции, согласно которой необходимо вернуться к тому, что основание – не мир, но и не субъект, а взаимодействие человека с миром. В данном контексте основание не является ограничением, а представляет допустимое отношение, за пределами которого изолированные границы теряют свое значение. «Мир всегда здесь, он не сотворен мною, а сотворен для меня, и я существую, только всегда пребывая в нем, захваченный первозданным порывом природы. Это изначальное единение человека и мира существует в восприятии, где оно проявлено лучше всего. Восприятие на сей раз первично по отношению к воспринимаемому и воспринимающему: *esse est perceptio*» [5, с. 110]. Следует согласиться также с точкой зрения В.Д. Губина, который считает, что именно в своей «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти исходил из того тезиса Э. Гуссерля, что

«...восприятие – не один среди других феноменов, но основополагающий феномен, ибо в каждом другом феномене (воспоминании, осмыслении, фантазии, восхищении и т. д.) есть какая-либо опора на восприятие. Но при этом восприятие не так-то легко обнаружить в чистом виде» [5, с. 100]. Вместе с тем необходимо отметить, что восприятие не таково, каким его изображают сторонники сенсуализма и теории ассоциаций, поскольку М. Мерло-Понти, на наш взгляд, ставит задачу, направленную на то, что восприятие необходимо «... «откопать» в процессе сложной работы над сознанием, напоминающей археологию» [3, с. 98]. Исходя из этого, можно заключить, что восприятие, с точки зрения М. Мерло-Понти и в отличие от Э. Гуссерля, является доминирующим феноменом, который участвует в формировании других феноменов.

Следовательно, решение указанной проблемы направлено на то, каким образом происходит формирование феномена восприятия и каким образом осознается этот процесс, – именно в этом, как нам представляется, состоит углубление понимания феноменологического процесса, осуществляемого французским мыслителем. М. Мерло-Понти вполне конкретно настаивает на осмыслении того, каким образом происходит «восстановление мира восприятия», и утверждает, что оно осуществляется на двух ступенях. На первой ступени, то есть по ту сторону объективного мира, образуется феноменальное поле, в котором движутся гуманитарные науки, поскольку они освобождаются от объективистского понимания мира. На второй ступени достигают особого «трансцендентального поля» [5, с. 100], внутри которого конституируется система мира Я-и-Другого и в котором феномен как таковой становится темой [5, с. 100]. Здесь-то, согласно М. Мерло-Понти, вступает в свои права феноменология, в которой по существу переосмысливается концепция Э. Гуссерля. Причем в ней речь должна идти не о трансцендентальной субъективности, которая везде и нигде, а о том пункте, где индивидуальное сознание оказывается направленным на себя, начинает, таким образом, «рефлектировать самое себя». Такую рефлексию М. Мерло-Понти называет «радикальной рефлексией».

Эта точка зрения находит свое подтверждение в современной философской литературе, так как «при анализе радикальной рефлексии

французский мыслитель не придерживался канонов «чистой феноменологии» с ее антипсихологизмом и широко пользовался эмпирическим материалом психологии, физиологии, психопатологии» [3, с. 98]. На этом пути М. Мерло-Понти также сделал, на наш взгляд, чрезвычайно важные уточнения и поправки к феноменологии Э. Гуссерля, а именно обратил внимание на то, что, с одной стороны, «феноменологическая редукция учит с недоверием относиться к «непосредственной» данности мира, но, с другой стороны, человек всегда непосредственно принадлежит миру» [3, с. 113].

Стало быть, понятие восприятия, как оно сформулировано в первых работах М. Мерло-Понти, выступает в качестве искомого феномена, в котором осуществляется жизненная связь человека с миром. При этом философ отстраняется от психологизма и даже «...предупреждает, что его понятие восприятия ни в коей мере не есть психологическая категория, используемая, с одной стороны, для обозначения противостояния мира объектов человеческой субъективности, а с другой стороны, для выражения субъективности как результата воздействия на человека внешних причин» [1, с. 42].

Одновременно с этим М. Мерло-Понти отмечает, что существует глубокая связь между феноменологическими исследованиями и психологическими анализами, нацеленными на выяснение способа бытия субъективности. Однако все фактические истины психологии могут прилагаться к конкретному индивиду, если только они пройдут через феноменологическое исправление и уточнение. Основной упрек, адресуемый М. Мерло-Понти как психологии, так и различного рода философским доктринам, состоит в том, что все они при объяснении человеческой субъективности отворачиваются от мира культуры и исходят из чистого мира объектов, который для феноменолога не является первичным ни по времени, ни с точки зрения смысла. Поэтому, согласно М. Мерло-Понти, психология приобретает другой смысл, она должна быть экзистенциальной, и в конечном итоге она должна быть «экзистенциальной феноменологией».

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что французский феноменолог осуществляет обоснование того направления в изучении человека, которое становится сверхпродуктивным в XX в., а именно формирование человека, как и его ос-

мысление, должно происходить не в отрыве от культуры, а в неразрывной связи с ней, объект приобретает смысловую нагрузку именно тогда, когда становится частью мира культуры.

М. Мерло-Понти фактически переосмысливает такие понятия, как «полная редукция» и «восприятие», используя при этом эмпирическую базу как гуманитарных, так и естественных наук. Причем отличительной чертой полной редукции является ее невозможность из-за непосредственной принадлежности человека к миру. В оппозиции к «полной редукции» формируется особенное отношение к осмыслению теории восприятия, она приобретает особую силу и значимость, поскольку «...мир есть то, что мы воспринимаем» [5, с. 249].

В то же время французский феноменолог обращает внимание на поздние размышления Э. Гуссерля, где, в частности, анализ перемещался со структур чистого сознания к человеческому телу и кинестезии тела. Изучению телесности как воплощенной субъективности придается новый более точный смысл, в связи с тем, что тело человека предстает носителем новых значений, «...оно является «анонимным» носителем Я; в нем воплощается моя предыстория; оно есть «доперсональный субъект» [10, с. 72]. В такой интерпретации тело приобретает другой смысл, «поскольку мое тело осуществляет процесс восприятия, то «воспринимаю не я, а нечто во мне». Человеческое тело – не вещь и не сознание, но неизбежное предсуществование меня самого. Как тело пред-дано моему Я, так мне пред-дан мир» [7, с. 175]. Здесь явно прослеживается особый исследовательский интерес, который направлен на изучение той особой роли, которую М. Мерло-Понти отводит человеческому телу в процессе анализа восприятия, придавая тем самым телу новое значение.

В «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти обсуждает центральные темы, заявленные Гуссерлем: cogito, я мыслю – временность (Zeitlichkeit) – свобода. При осмыслении указанных понятий французский мыслитель стремится не только дать им свою собственную своеобразную интерпретацию, но и вместе с тем выявить их отличительные особенности, реализация которых приводит к критике гуссерлевской феноменологии и демонстрирует определенный отход от нее. Так осмысливая cogito, вопреки Декарту и Э. Гуссерлю Мерло-Понти

утверждает: «...от «я мыслю» неправомерно переходить к «я есть», ибо «мое бытие» не сводится к сознанию, которое я имею относительно бытия; как раз наоборот, «я мыслю» находит себя включенным в трансцендентальное движение «я есть», а сознание – включенным в существование, экзистенцию» [2, с. 84].

Исходя из предыдущего, можно сделать вывод о том, что М. Мерло-Понти переосмысливает концептуальные положения феноменологии, экзистенциализма и гештальтпсихологии, подвергая их критике в первую очередь за чрезмерное увлечение рационализмом. Следует отметить, что с последним непосредственно связаны также критические размышления французского философа о диалектике. «Дурная диалектика» – та, которая делает из диалектического метода учение о самом бытии: когда все-речь полагают, что связи самого бытия выражаются в конструкции высказываний, имеющих форму триады – тезиса, антитезиса и их синтеза. Диалектику нельзя превращать в доктрину. Применять диалектику как метод можно и нужно, однако с учетом того, что подлинная диалектика не имеет ничего общего с застывшими истинами, что она предполагает постоянную «самокритику истины», преодоление опасностей позитивизма и негативизма» [1, с. 28].

Понимая философию как «разъяснение человеческого опыта», М. Мерло-Понти уделяет большое внимание анализу проблем политики, литературы и искусства, истории и методологии ее понимания, интересубъективности и онтологии, языка и его природы. Для М. Мерло-Понти наиболее плодотворным с точки зрения метафизических исканий является XVIII век: он создал науку о природе и вместе с тем не сделал объект науки частью онтологии. Объект науки – это всего лишь тот или иной аспект бытия, та или иная его ступень. С этой точки зрения, согласно М. Мерло-Понти, «Декарт, Спиноза, Лейбниц,

Мальбранш, каждый по-своему оценивая воздействие каузальных отношений, признавали и другой тип Бытия... Бытие не отвергалось полностью и не уничтожалось во внешнем бытии. Наряду с внешним бытием существует бытие субъекта, или души, бытие его идей и отношение между идеями, внутреннее отношение к истине, и этот универсум столь же велик, что и другой, или, скорее, он обнимает его...» [4, с. 56].

Подводя итоги, необходимо отметить, что М. Мерло-Понти не является противником науки как таковой – его пафос направлен против придания науке, теоретическому мышлению статуса единственного подлинного знания. Наука и философия не могут ни противостоять, ни быть безразличными друг другу: им надлежит критиковать и дополнять друг друга. К сожалению, наука и философия в современном мире пока находятся на стадии противостояния. М. Мерло-Понти предстает философом, который не только не отворачивался от научных данных, а в своих исследованиях широко опирался на выводы экспериментальной психологии и молекулярной биологии, квантовой физики и кибернетики. М. Мерло-Понти занимает относительно нейтральную позицию по отношению к науке и способам познания. Мы считаем, что такая позиция является оптимальной, поскольку признается важность и значение как гуманитарных наук, так и естественных наук. В современном мире невозможно сформировать целостное представление о картине мира, используя научные данные либо только гуманитарных, либо естественных наук. Анализируя идеи ведущих философов XX века, М. Мерло-Понти занимается исследованием целого ряда важнейших проблем феноменологии, экзистенциализма и гештальтпсихологии, среди которых наиболее актуальными являются понятия человеческой субъективности, интересубъективности и интенциональности.

19.10.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Вдовина И.С. Эстетика французского персонализма / И.С. Вдовина. – М.: Искусство, 1981. – 191 с.
2. Вдовина И.С. Феноменология во Франции / И.С. Вдовина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с. – ISBN: 978-5-88373-142-5.
3. Губин В.Д. Проблема человека в современной философии / В.Д. Губин. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. – 83 с.
4. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / М. Мерло-Понти; пер. с франц. О.Н. Шпарага. – Мн.: Логвинов, 2006. – 400 с. – ISBN: 985-6701-47-3.
5. Мерло-Понти М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – М.: Искусство, 1992. – 64 с. – ISBN: 978-5-210-02206-6.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 603 с. – ISBN 5-02-026807-0 (Наука) ISBN 5-87399-054-9 (Ювента) ISBN 2-07-029337-8 (Gallimard).
7. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад-Россия-Восток / Н. В. Мотрошилова. – М.: Греко-латинский кабинет, 1996. Кн. 3: Философия XIX-XX вв. – 448 с.: ил. – ISBN 5-87245-040-0.

8. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества / Н.М. Смирнова. – М.: Канон+, 2009. – 400 с. – 1000. – ISBN: 978-5-88373-186-4.
9. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Г. Шпигельберг; пер. с англ. под ред. М.Лебедева, О.Никифорова. – М.: «Логос», 2003. – 608 с. – 1000. ISBN: 5-8163-0033-4.
10. Бражникова Я. Плоть и история. К идее архитектурного прошлого в философии М. Мерло Понти. // Логос. – 2004. – №1. – С. 72.
11. Соколова Л.Ю. Феноменологическая концепция М. Мерло-Понти // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – №3. – С. 134.

Сведения об авторах: **Демченко Л.М.**, заведующая кафедрой истории философии
Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
Гончаров Н.В., аспирант кафедры истории философии
Оренбургского государственного университета

460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2309а, тел. (3532) 372573, e-mail: istfil@mail.osu.ru

UDK 165.62:141.32

Demchenko L.M., Goncharov N.V.

CRITICAL ANALYSIS OF PHENOMENOLOGICAL EPISTEMOLOGY IN PHILOSOPHY FORMATION OF M. MERLO-PONTI OF M. MERLO-PONTI

The article is devoted to M. Merlo-Ponti's critical philosophical judgement of the basic scientific installations of epistemological rationalism and empiricism. The paper deals with the concepts and the main ideas developed by the French thinker based on the fundamental principles of Gestalt psychology and existentialism.

Keywords: a phenomenological reduction, a descriptive method, epistemology, intentionality, integrity of experience, personal experience, knowledge, rationalism, consciousness, perception, phenomenology, existentialism, Gestalt psychology, a phenomenon, intersubjective, a body.

Bibliography:

1. Vdovina I.S. Aesthetics French personalism / I.S.Vdovina. – M: Art, 1981. – 191 pp. – 1000.
2. Vdovina I.S. Phenomenology in France / I.S.Vdovina, M: «the Canon +» ROOI «Rehabilitation», 2009. – 400 pp. – 1000. – ISBN: 978-5-88373-142-5
3. Gubin V. D. A problem of the person in modern philosophy / V.D.Gubin. – M: Publishing Of Uny. friendship of the people, 1990. – 83 pp. – 1000.
4. Merlo-Ponti M. Visible and invisible / M.Merlo-Ponti; the lane from fr. O.N. Shparaga. – Mn.: Logvinov, 2006. – 400 pp. – 1000. – ISBN: 985-6701-47-3
5. Merlo-Ponti M. Eye and spirit / M.Merlo-Ponti. – M: art, 1992. – 64 pp. – 10000. – ISBN: 978-5-210-02206-6
6. Merlo-Ponti M. Fenomenology of perception / M.Merlo-Ponti; the lane with fren. Under the editorship of I.S. Vdovina, S.L. Fokin. – SPb.: Uventa; the Science, 1999. – 603 pp. – ISBN 5-02-026807-0 (Science) ISBN 5-87399-054-9 (Uventa) ISBN 2-07-029337-8 (Gallimard)
7. Motroshilova N.V. Philosophy History: the West-rossia-east / N. V.Motroshilova. – M: the Greek-Latin office, 1996. Book. 3: Philosophy XIX-XX centuries – 1999. – 448 pp.: silt. – ISBN 5-87245-040-0.
8. Smirnova N.M. Social phenomenology in studying of a modern society / N.M. Smirnova. – M: Canon +, 2009. – 400 pp. – 1000. – ISBN: 978-5-88373-186-4
9. Shpigelberg G. Fenomenological movement. Historical introduction / G.Shpigelberg; the lane with English under the editorship of M.Lebedev, O.Nikiforova. – M: «Logos», 2003. – 608 pp. – 1000. ISBN: 5-8163-0033-4
10. Brajnjkova J. Flesh and history. To idea arhetectonic last in philosophy of M.Merlo-Ponti.//Logos. – 2004. – №1. – P. 72.
11. Sokolova L.U. Phenomenological M.Merlo-Ponti's concept // Philosophy history, culture and outlook. To the 60 anniversary of professor A.S.Kolesnikov. SPb.: the St.-Petersburg philosophical society, 2000. №3. – P. 134.